

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

Смерть
разглядит тебя
даже ночью

РАЗВЕДКА

41 ГО

ТАНКОВАЯ БУРЯ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Танковая буря

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Танковая буря / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-174775-6

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны — участники тех событий. Фашисты не оставляют надежды спасти окруженную под Сталинградом армию Паулюса. Но где намечается немецкий танковый удар, советское командование точно не знает. Для выяснения вражеских планов в германский тыл забрасывается группа разведчиков капитана Глеба Шубина. Переодевшись в форму фашистского полковника, Шубину удается проникнуть на секретное совещание и узнать намерения гитлеровцев. Однако в разгар заседания «полковника» внезапно разоблачает его сослуживец. Именно в этот момент для советского разведчика и начинается настоящее испытание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174775-6

© Тамоников А. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Танковая буря

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ТАНКОВАЯ
БУРЯ**

МОСКВА
2022

Глава 1

Операция «Уран» по окружению немецкой группировки в районе Сталинграда закончилась для капитана Глеба Шубина в маленьком поселке Городище, расположенном к западу от города. И этот день, когда его батальон при поддержке танкистов и пехотного полка занял Городище, стал для разведчика, пожалуй, самым счастливым в жизни. Ведь одновременно с его батальоном в поселок прибыл и фронтовой госпиталь, в котором служила Катя Измайлова. Когда выяснилось, что госпиталь собирается обосноваться в Городище на несколько ближайших месяцев, Шубин почувствовал себя на седьмом небе от радости. Ведь он был уверен, что и он будет находиться здесь, в поселке, и каждый день будет видеться с Катей!

Вот почему весь следующий день после окончания штурма Городища Шубин не ходил, а, можно сказать, летал. Все ему давалось легко: и позиции батальона легко наметились, и траншеи быстро были выкопаны, и машины с боеприпасами вовремя пришли. А вечером у него было новое свидание с любимой девушкой – свидание, которое затянулось на всю ночь. «Вот бы и весь декабрь так прошел», – думалось разведчику.

Однако все эти планы были нарушены. После завтрака Шубина вызвал к себе начальник разведки Сталинградского фронта полковник Уколов. Направляясь на встречу с полковником, Шубин испытывал неясную тревогу. Ведь просто так начальник разведки никогда его не вызывал. Каждый такой вызов означал новое задание – как правило, трудное и опасное. Но в этот раз Шубину почему-то казалось, что новое задание будет легким. «Скорее всего, в Сталинград надо будет проникнуть, – думал разведчик. – Узнать, как там фельдмаршал Паулюс поживает. А то я что-то давно с ним и его подчиненными не виделся. Что ж, если надо отправиться в Сталинград – отправлюсь. Дело привычное...» Однако, как вскоре выяснилось, Шубин ошибался: задание ему предстояло не легкое и совсем не краткосрочное.

Когда Шубин вошел в комнату, где Уколов устроил свой штаб, то там, кроме самого полковника, он увидел незнакомого молодого лейтенанта. При появлении Шубина лейтенант встал, а Уколов произнес:

– Вот, Шубин, познакомься – лейтенант Сергей Дозоров. Он будет твоим напарником в одном новом деле, которое я хочу вам поручить. Так что знакомьтесь.

Разведчику ничего не оставалось, как выполнить распоряжение своего командира и познакомиться. На вид Дозорову было лет двадцать пять, не больше. Он казался улыбочивым, даже каким-то несерьезным. Однако Шубин отметил цепкий взгляд своего будущего напарника, а также его крепкое, прямо-таки железное рукопожатие.

– Так, а теперь садитесь и слушайте меня внимательно, – сказал Уколов. – Я изложу, в чем состоит ваше задание.

Полковник встал и подошел к висевшей на стене большой карте, на которой был обозначен Сталинград, большая излучина Дона и местность за Доном, до самого Ростова.

– Вы знаете, что наши войска совершили то, что еще месяц назад казалось невозможным: окружили шестую армию немцев, а с ней четвертую танковую и румынские войска, – начал Уколов. – Казалось бы, осталось немного: уничтожить окруженного врага. Однако немецкое командование не намерено сидеть сложа руки. Нам стало известно, что немцы задумали операцию с целью деблокировать свою окруженную армию. С этой целью они спешно перебрасывают с Кавказа, из других районов пехотные и танковые дивизии, которые должны составить костяк новой группировки, которая будет именоваться группа армий «Дон». Командовать этой группой будет фельдмаршал Манштейн – один из самых энергичных, а значит, самых опасных для нас немецких военачальников. И уже через неделю немцы намечают закончить подготовку и начать эту свою операцию. Ей будет присвоено кодовое название «Винтергевиттер»,

что переводится как «Зимняя гроза». Вот с этой самой «Зимней грозой» вам двоим и предстоит бороться.

Начальник фронтовой разведки замолчал и в задумчивости прошелся по комнате. Затем он снова заговорил:

– Из того, что я вам сказал, можно сделать вывод, что нашему командованию уже многое известно о планах противника. Однако это не так. Нам неизвестно, какими силами будет располагать Манштейн, как вооружены и подготовлены его части. Мы не знаем точной даты начала немецкого наступления. А главное – мы не знаем, где немцы нанесут главный удар. Вот, смотрите, – рука полковника, вооруженная карандашом, уткнулась в излучину Дона. – Враг может наступать по двум направлениям. Самое короткое расстояние между окруженной шестой армией и основными немецкими силами – вот здесь, у станицы Нижнечирская. Здесь немцам надо преодолеть всего сорок километров нашей обороны, чтобы пробить коридор к окруженной шестой армии. Однако враги могут наступать и южнее, из района Котельниково, – рука Уколова совершила небольшое путешествие по карте и уткнулась в кружок, означавший населенный пункт. – Здесь им надо будет пройти уже значительное расстояние, около двухсот километров. Но здесь им удобнее собрать свои силы. Части, прибывающие с Кавказа, сразу попадают в место сосредоточения. И наступать они могут вдоль железной дороги, использовать ее для подвоза войск и боеприпасов. Вот этот момент – направление их главного удара – нам обязательно нужно знать. Ну, и все остальное, о чем я уже говорил: их силы, время начала операции и так далее. Для сбора сведений вам дается пять дней. К концу месяца, к тридцатому ноября, командующий фронтом генерал Еременко должен иметь интересующую его информацию. В крайнем случае – к первому декабря. Да, забыл сказать: наш фронт тоже сменит свое название. К этому времени, то есть к первому декабря, он будет называться Южным фронтом. Вот, а теперь скажите мне, как вы думаете выполнить такое сложное задание в такие сжатые сроки.

Шубин и Дозоров переглянулись. Затем Шубин сказал:

– Как я понял, нам надо будет побывать и в районе станции Котельниково, и возле станицы Нижнечирской. Расстояние туда и туда... ну, судя по карте, километров двести. А еще надо успеть вернуться. Пешком такое расстояние не пройдешь. Значит, нам потребуется транспорт.

– А транспорт на оккупированной территории может быть только у оккупантов, – вступил в разговор Дозоров. – Стало быть, мы должны выступить в роли немецких офицеров.

– А ты, лейтенант, сможешь выступить в такой роли? – спросил Шубин. – Для этого ведь надо язык знать.

– То есть ты меня хочешь спросить, капитан, «Sprechen Sie deutsch?» – отвечал Дозоров. – Что ж, отвечу: «Ja, ich spreche». Говорю я на языке захватчиков, и довольно хорошо говорю. Пока что ни один немец ничего не заподозрил.

– А переодеваться в немецкую форму тебе приходилось? – продолжал допрашивать напарника Шубин.

– Приходилось, и не раз, – кивнул Сергей. – Например, весной, во время боев под Харьковом, а затем под Воронежем. Тогда я выступал в роли немецкого капитана.

– Смотри-ка что... – произнес Шубин в растерянности.

До сих пор ему еще не приходилось встречаться с нашими разведчиками, так же хорошо владеющими вражеским языком, как он сам. И вот теперь он видел перед собой такого человека.

Между тем лейтенант Дозоров вовсе не выглядел растерянным. Он уверенно продолжал говорить:

– Значит, с первым вопросом – как мы будем выглядеть – все ясно. Осталось решить, где мы раздобудем транспорт.

– Ясное дело где, – тут же отозвался Шубин. – Раз мы немцы, то и транспорт мы должны получить у немцев. Зайдем к фельдмаршалу Манштейну, попросим, и он нам, конечно же, выделит подходящий мотоцикл.

– А я думаю, нам этот вопрос еще раньше надо решить, до визита к Манштейну, – произнес напарник Глеба. – Логичней будет начать с берегов Чира. Там и раздобудем транспортное средство. Там узнаем все, что надо, относительно чирской группировки немцев, а потом уже отправимся на юг, в Котельниково.

– Что ж, я с этим предложением согласен, – сказал Шубин. – Начинать, наверно, действительно удобней отсюда, от Сталинграда. А заканчивать в Котельниково. Только назад возвращаться далеко будет. А нам надо вернуться вовремя, не подвести командование.

– Насчет того, чтобы лично прибыть и доложить о результатах вашего рейда можете не беспокоиться, – снова вступил в разговор полковник Уколов. – Мы снабдим вас рацией новейшей конструкции. Она легкая, занимает мало места. А на мотоцикле ее вообще так можно спрятать – никто не найдет. И с помощью этой рации вы сможете передавать получаемые сведения постепенно, день за днем. Единственное, о чем вам в таком случае надо беспокоиться – чтобы вас не засекли немцы. Если они застанут вас в момент передачи сообщения – конец вам и вашему рейду.

– Ну, мы на виду у всех не будем нашу рацию разворачивать, – пообещал Дозоров. – Будем вести себя осторожно.

– Что ж, основные вопросы предстоящего рейда мы с вами решили, – с удовлетворением заключил Уколов. – Осталось обговорить детали: получить и примерить вашу новую форму, оружие, рацию, позывные... Ну, и наметить место, где вы сможете перейти линию фронта.

– А мы все это сможем завтра определить? – спросил Шубин. – И завтра же ночью отправиться в рейд...

Ему очень не хотелось расставаться с Катей не попрощавшись. И он рассчитывал пробыть с девушкой еще один день. Однако начальник фронтовой разведки проницательно взглянул на Шубина и покачал головой.

– Нет, капитан, откладывать начало рейда мы не можем, – сказал он. – Ведь я уже говорил: в вашем распоряжении всего пять дней. К вечеру 30 ноября командующий фронтом должен получить полную картину о расположении противника, его силах и планах. Поэтому в рейд вы отправитесь уже сегодня. Сейчас пойдем на склад, выберем для вас форму и все остальное.

Шубин вздохнул. Ему оставалось только смириться с мыслью, что Катю он теперь увидит не скоро.

Они с Дозоровым прошли в помещение, примыкавшее к штабу, где располагался маленький склад разведслужбы. Здесь им пришлось перемерить несколько комплектов немецкой офицерской формы, прежде чем для каждого нашлась подходящая. И то Дозорову, у которого были здоровенные ручки, пришлось наставлять рукава кителя. Здесь же, на складе, они получили трофейное оружие и рацию. Она и правда оказалась очень удобной и небольшой. Что касается оружия, то Шубин взял предложенный трофейный «вальтер», но и свой старый ТТ сунул за пазуху. «Лишним не будет, – подумал он. – А в нужный момент может выручить». А еще он взял пару «лимонок». Он по опыту знал, как могут пригодиться гранаты в разведывательном рейде.

– А документы ты что же нам не выдаешь? – спросил Шубин у заведующего складом.

– Документами только сам полковник ведает, – ответил складской работник. – Он вам их и выдаст.

Так что разведчики вернулись в помещение штаба, где полковник Уколов вручил каждому немецкие документы. Теперь Шубин стал майором Генрихом Тальбергом, а Дозоров – капитаном Рихардом Зоммером. К документам прилагались и отпечатанные на листке бумаги легенды каждого из них. Так, согласно легенде, Шубин родился в Берлине, в рабочей семье,

с детства мечтал стать военным, окончил военное училище в Бремене, а Дозоров – родился в крестьянской семье близ Мюнхена.

Полковник потребовал, чтобы разведчики выучили каждый свою легенду, после чего изъял листки и уничтожил. В дополнение к документам он вручил разведчикам толстую пачку рейхсмарок.

– Это вам на текущие расходы, – сказал Уколов. – Прежде всего – чтобы заправлять мотоцикл, которого у вас пока нет. Но будет. Ну, еще еду покупать, курево... Да мало ли что. Ну, а теперь послушайте вашу общую легенду, – продолжал инструктировать полковник. – Вы оба посланы в группу армий «Дон» самим фельдмаршалом Паулюсом для того, чтобы координировать действия между окруженной шестой армией вермахта и войсками Манштейна. Эта легенда, кстати, объясняет и наличие у вас рации: по ней вы должны связаться со своим начальством в Сталинграде. В этой легенде все части вроде хорошо подогнаны, углы не торчат. Единственное, что может вас разоблачить – это если кому-то из немцев в Чире или Котельниково придет в голову связаться со штабом Паулюса и спросить там, зачем они послали двух офицеров в группу армий «Дон». Но будем надеяться, что этого не случится.

– Мы тоже будем на это надеяться, – сказал Шубин. – Ну что, теперь мы, кажется, готовы. А где мы будем переходить фронт? Раньше я сам решал, где мне это делать. Но теперь я стал важной птицей, майором вермахта, и сам ничего решить не могу.

– Переходить будете на Дону, севернее Калача, – ответил Уколов. – В этом году, к счастью для нас и к несчастью для немцев и их союзников, ноябрь стоит морозный, и Дон уже замерз. Поэтому его можно перейти без особого риска. Сейчас мы вместе отправимся туда, в точку перехода, и я дам команду нашим хлопцам начать операцию прикрытия.

Они вышли из штаба, уселись в «виллис» Уколова и покатили на запад. Дорогой Дозоров спросил полковника:

– А что это за операция прикрытия, о которой вы говорили?

– Обыкновенная операция, такие всегда проводят, если нужно отвлечь внимание противника от какой-то точки на фронте, – произнес Уколов. – Сегодня севернее и южнее того места, где намечен ваш переход через линию фронта, наши части проведут имитацию атакующих действий. В общем, что-то вроде разведки боем. Таким образом, все внимание немцев будет привлечено к этим двум участкам фронта. Так что можно надеяться, что ваш переход останется для них незамеченным. – Начальник фронтовой разведки немного помолчал, а затем добавил: – Конечно, эти атаки приведут к каким-то потерям в живой силе. Небольшие потери, но все равно людей жалко. Однако ничего не поделаешь, операции прикрытия проводить надо. Мы их проводим очень редко, в особых случаях, как в этот раз. Как видите, мы очень большое значение придаем вашему рейду.

Ехали около полутора часов. Причем водитель ехал с выключенными фарами, пользовался только подфарниками, которые давали минимум света. Внезапно на дороге в этом слабом свете показалась фигура человека. Боец с автоматом в руках стоял посреди дороги, подняв руку. Когда машина остановилась, автоматчик подошел, осветил фонариком лица сидевших в кабине. Узнав полковника Уколова, отступил в сторону от дороги и отдал честь.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал полковник. А водителю приказал: – Здесь сверни влево и еще раз влево. Вон, блиндаж видишь? Возле него остановишься.

Машина встала, приехавшие вышли. Шубин отметил, что здесь, на берегу Дона, в более сыром воздухе, холод ощущался сильнее, чем под Сталинградом. Ветер, хотя и дул с юга, был злой, промозглый. И этот ветер доносил звуки выстрелов и разрывов гранат. Неподалеку шел бой – наши части проводили операцию прикрытия, о которой говорил Уколов.

К прибывшим подошел человек в шинели, с погонами капитана.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – сказал он. – У нас все готово. Мы там на береговой припай, где иногда вода выступает, доски положили, так что проблем с переходом не

будет. У меня бойцы прошлой ночью, когда облачность большая была, ничего видно не было, уже доходили до середины реки. Лед везде нормально держит, хотя кое-где немного трещит.

– Ну, трещит и трещит, ничего страшного, – отозвался Уколов. – Пошли, товарищи!

– Вас проводить? – спросил капитан. – Могу хоть до того берега проводить...

– Нет, провожатые нам не нужны, – ответил Шубин. – Мы и сами ногами двигать умеем.

Они дошли до реки. Здесь двое разведчиков попрощались с начальником фронтовой разведки.

– Ну, удачи вам, ребята, – сказал полковник. – Удачи и еще раз удачи!

Дальше Шубин и Дозоров двигались вдвоем. Ступили на доски, заботливо положенные пехотным капитаном, вышли на лед Дона и по нему двинулись к противоположному берегу.

Глава 2

То ли операция прикрытия помогла, то ли немцы изначально не видели опасности проникновения советских разведчиков на этом участке, но никто не мешал переправе Шубина и Дозорова. Ни одна ракета не взлетела с правого берега Дона и не осветила ледяную поверхность, не раздался ни один выстрел. Надо сказать, что помогала еще низкая облачность. И так было темно, а когда разведчики приблизились к правому берегу реки, еще и снег пошел. В снежной круговерти вообще ничего невозможно было разглядеть. Поэтому Шубин, шедший первым, даже не сразу понял, что река уже кончилась и он уже ступил на землю. Но потом берег стал круто подниматься, и стало ясно – переправа кончилась, они достигли берега, занятого врагом. Тогда он махнул напарнику рукой, показывая новое направление движения – налево. Дело в том, что еще в штабе он успел внимательно рассмотреть карту этого района и заметил в месте переправы несколько узких овражков, спускающихся к Дону и заросших густым кустарником. Приобретенный за полтора года войны боевой опыт подсказывал Шубину, что в таких местах немцы не устраивают сплошную оборону, они не любят оврагов. А это означало, что здесь можно пробраться мимо вражеских траншей и выйти в тыл фашистам. Правда, овраги могли быть заминированы, и Шубин заколебался: надо ли искать мины или попробовать пройти наудачу?

Тут до его плеча дотронулся рукой «капитан Зоммер», и напарник шепнул ему на ухо: – Я первый пойду. У меня большой опыт движения по минным полям.

Шубин не стал возражать и пропустил лейтенанта вперед. Дозоров опустил на четвереньки и медленно двинулся по дну первого оврага, осторожно разгребая снег перед собой. Так он прошел несколько метров, затем вдруг остановился и поднял руку, показывая Шубину: стой, мол. А сам продолжал разгребать снег, пока из него не показалась плоская крышка мины. Дозоров не стал обезвреживать находку – вместо этого он пошел правее, прямо через кусты. Продираться здесь было жутко неудобно – ветки цеплялись за немецкие офицерские шинели, угрожая порвать их, ноги скользили по обледеневшему склону. Зато здесь совсем не было мин, и разведчики благополучно прошли метров сто.

Наверху, над их головами, стали слышны голоса. Несколько человек негромко разговаривали по-немецки, обсуждая качество галет, которыми их здесь потчуют. Очевидно, здесь, на краю оврага, находился немецкий опорный пункт, и часовые врага несли ночную вахту. В этом месте разведчики стали вдвое осторожнее и продвигались неслышно, скользя среди кустов, как тени.

Голоса смолкли, вражеский окоп остался позади. Но оба разведчика понимали, что теперь они вошли в самую сердцевину вражеской обороны, что немцы сейчас везде – и слева, и справа. Между тем до рассвета оставалось совсем немного, и за оставшееся время нужно было обязательно выбраться из района, занятого немецкими войсками, иначе в светлое время суток их обязательно здесь обнаружат и их рейд закончится, едва начавшись.

Видимо, «капитан Зоммер» думал о том же, потому что он снова спустился на дно оврага и пошел по нему. Ведь здесь, в самой середине немецкой линии обороны, вряд ли могли находиться заминированные участки.

Скорость передвижения разведчиков увеличилась. Так они прошли около часа и больше не слышали наверху никаких голосов; ничто не указывало, что здесь находятся вражеские части. Тогда Шубин догнал напарника и тоже постучал его по плечу. А когда тот обернулся, показал наверх: мол, надо слазить, взглянуть. И, не дожидаясь ответа, полез по левому склону.

Когда Шубин поднялся наверх, он заметил, что небо на востоке уже посветлело. Так что окрестности уже можно было разглядеть. Перед глазами раскинулась пустая степь, где из-под

снега торчал бурьян и отдельные кусты. На западе было так же пусто, а вот на востоке, метрах в трехстах, можно было разглядеть бугры и торчащие среди них стволы орудий.

Послышался шорох, и рядом с Шубиным на краю оврага появился лейтенант Дозоров.

– Ага, значит, мы выбрались позади линии фронта, – удовлетворенно произнес он. – Ну, что теперь будем делать, герр майор?

– Ясно что, господин капитан, – в тон ему ответил Шубин. – Надо идти, искать транспорт.

– И куда мы направимся в поисках транспорта? – осведомился лейтенант.

– На дорогу, конечно, – сказал Шубин. – Туда, где транспорт ходит. Здесь, чуть южнее этого места, проходит трасса, которая связывает Калач с поселком Суровикино. Этот поселок является важным транспортным узлом, там сходятся шоссе и железная дорога. Там, скорее всего, и располагается штаб немецкой группировки. Суровикино нам все равно не миновать. Стало быть, план у нас такой: мы выходим на дорогу и ждем попутную машину. Грузовики пропускаем – негоже таким важным офицерам на грузовых машинах ездить. А если попадет легковая машина или мотоцикл, останавливаем. А дальше действуем по обстановке. Скорее всего, нам захочется избавиться от хозяев этого транспортного средства и самим на нем поехать.

– А как мы объясним людям, которые остановятся возле нас, почему два важных офицера оказались в голой степи? – продолжал допытываться Дозоров.

– Ну, мы скажем, что прилетели из окруженного Сталинграда на «юнкерсе», долетели... ну, допустим, до Бузиновки – есть здесь такой населенный пункт. Там нам дали машину, чтобы доехать до штаба, но по дороге мы попали под обстрел. Напал на нас русский истребитель, черт возьми, изрешетил и машину, и водителя. И вот приходится нам, двум важным офицерам, посланцам фельдмаршала Паулюса, голосовать на дороге, словно каким-то колхозникам.

– Надеюсь, о колхозниках вы не станете говорить, герр майор? – уточнил Дозоров. – А вообще легенда отличная. Я вижу, товарищ капитан, что легенды – это твое сильное место. А еще я поражаюсь, как ты хорошо помнишь карту местности. Слово она перед тобой на дороге лежит.

– Так ведь карты – это наш хлеб, пища разведчиков, – ответил Шубин. – Такой же необходимый навык, как и умение маскироваться. Ладно, хватит болтать. Дорога, по моим наметкам, находится вон в том направлении. Пошли!

И напарники двинулись вперед, на юго-запад.

Так они шагали еще около часа. Несколько раз над ними пролетали немецкие самолеты, направлявшиеся на восток, к Сталинграду. Опасности для двоих «немецких офицеров» они не представляли. Скорее, напарникам могла угрожать опасность со стороны советских истребителей, но они, к счастью, не появлялись.

Наконец они заметили впереди узкую полосу, пересекавшую степь. Это и была дорога на Суровикино, о которой говорил Шубин. По дороге иной раз проезжали машины. Но это были грузовики, которые шли колоннами, по пять-шесть машин, в сопровождении двух-трех мотоциклов. Такой транспорт напарников не устраивал.

Разведчики стояли на обочине и ждали. Прошли еще две колонны, а затем проехала штабная машина – но все они следовали в сторону Дона. Не туда!

Ближе к обеду наконец появились машины, идущие на запад. Был один грузовик, совсем пустой, и водитель – дружелюбный парень – предлагал «господам офицерам» ехать с ним: майору в кабине, а капитану в кузове. И Дозоров был уже готов согласиться на такое предложение, но Шубин, после некоторых колебаний, отказался. Во-первых, поездка на этом грузовике не решала вопроса с собственным транспортом. Ведь не будут же два офицера вермахта путешествовать по донским степям на грузовике! А кроме того, Шубину вдруг стало жалко водителя. Ведь было ясно, что водитель транспортного средства, которое они захотят захватить, обречен. А этот парень был само дружелюбие. И хотя Шубину во время его многочисленных рейдов по

немецким тылам не раз приходилось убивать захваченных «языков» и он делал это без особого сожаления, сейчас он не мог пойти на такой шаг. Так грузовик и уехал.

– Смотри, капитан, с такой разборчивостью мы тут до ночи простоим, – заметил Дозоров после того, как грузовик уехал. – А может, и дольше – до самого наступления немцев на Сталинград. Может, плюнем на транспорт да пойдем в это самое Суровикино пешком?

– Хватит болтать! – резко сказал Шубин. – Никуда мы пешком не пойдем! А транспорт... Да вот он, транспорт!

Последние слова разведчика относились к показавшейся на дороге машине «опель». Она ехала со стороны Нижнего Чира на запад. И, доехав до двух напарников, остановилась. Опустилось стекло на задней дверце, и разведчики увидели немецкого офицера в чине полковника танковых войск. Выражение лица у немца было такое надменное, словно он был император и сидел на троне.

– Что-то случилось? – спросил он, едва заметно наклонив голову – вроде как поздоровался.

– Да, мы попали в довольно неприятную ситуацию, – начал Шубин излагать свою легенду.

И он складно рассказал о том, что они, двое посланцев командования окруженной 6-й армии, долетели до аэродрома в Бузиновке, там пересели на машину, но тут их атаковал русский истребитель и расколошматил машину. И вот теперь им приходится голосовать на дороге, чтобы попасть в штаб в Суровикино.

– Я надеюсь, вам будет не слишком трудно нас подвезти? – закончил Глеб свой рассказ.

Просьба была изложена так ненавязчиво, что отказать в ней было трудно. Хотя сидевшему в машине танкисту, как видно, не хотелось тесниться и принимать в кабину еще двоих. Он весь скривился, что-то пробормотал насчет «неумех, которые обязательно попадают под русские пули», но в конце все же милостиво разрешил:

– Хорошо, садитесь. Капитан может сесть впереди, а вы, майор, рядом со мной.

Разведчики уселись, и машина покатила на юг. Шубин и Дозоров представились хозяину «опеля», он тоже назвал себя. Оказалось, что танкиста зовут Рихард Мюллер, он командует танковым полком, стоящим в Нижнем Чире. Сейчас полковник Мюллер ехал в Суровикино, чтобы получить пополнение – танковую роту, только что прибывшую с запада оккупированной Европы, из Нормандии.

– Представляю, что это за вояки! – презрительно проговорил полковник. – Они там уже два года стоят, в этой Нормандии. Небось за все эти два года ни одного выстрела не сделали. Сидели себе на своем Атлантическом валу, пили «бордо» да ели французские сыры. А теперь попадут в русские морозы, в голую степь, где вместо «бордо» дрянной шнапс, а вместо трюфелей – сухие галеты... А главное – здесь стреляют! Здесь надо воевать! Более того, нам предстоит тяжелое наступление...

Услышав слово «наступление», Шубин сразу наострил слух. Вот оно – то, что им нужно было узнать!

– Ваши тяготы, герр Мюллер, – лишь бледная тень того, что приходится терпеть нам в окружении, – сказал он. – Мы сидим в русском котле всего лишь неделю, но нам уже пришлось урезать норму питания для рядовых. Да и снарядов осталось не так много. Так что мы с нетерпением ждем, когда вы начнете наступать и прорвете русское кольцо. Честно говоря, я не понимаю, почему вы не сделали этого пару дней назад. Один хороший удар, и иваны побегут, вы прорвете окружение. Скажите, когда вы это сделаете?

– Я тоже надеялся, господин Тальберг, что мы легко прорвем русский фронт, – ответил Мюллер. – Мы пытались атаковать русских уже двадцать пятого ноября, на другой день после того, как они захватили Калач. Но не тут-то было! Надо признать: за полтора года иваны немного научились воевать. Теперь они совсем не те, что были в июне сорок первого. И у них появились танки, артиллерия, самолеты... Откуда что взялось! Так что из нашей попытки про-

рыва ничего не вышло. Теперь вся надежда на фельдмаршала Манштейна. Он – настоящий солдат и до сих пор не потерпел ни одного поражения. Вот он соберет свою группу «Дон», и тогда мы покажем иванам силу немецкого оружия!

– Это хорошая новость, господин Мюллер, – сказал Шубин. – Нас, собственно, за этим и послали – узнать, когда наши войска придут нам на помощь. А также для того, чтобы скоординировать наши действия с вашим наступлением.

– А какие, собственно, могут быть ваши действия? – удивился танкист. – Вы что, разве не знаете, что фюрер запретил фельдмаршалу Паулюсу прорываться из окружения? Если бы не этот запрет, ваша шестая армия, возможно, и смогла бы двадцать пятого прорвать русское кольцо возле Нижнего Чира.

Тут Шубин прикусил язык. Он чуть было не ляпнул: «Нет, я ничего подобного не слышал». И это была бы правда: советское командование не знало о существовании такого приказа Гитлера. Но ведь он был посланцем Паулюса и должен был знать об этом! Если бы он сказал, что понятия не имеет о приказе фюрера, это наверняка показалось бы немцу подозрительным. Он, Шубин, мог провалить операцию в самом начале!

Однако он вовремя сообразил, как надо ответить.

– Да, мы, конечно, слышали об этом запрете, – сказал он. – Но фельдмаршал Паулюс пока что надеется переубедить фюрера. И потом, даже если мы не будем пытаться выходить из окружения, мы же можем атаковать русских на том самом участке, на который будет наступать фельдмаршал Манштейн. Этим мы окажем существенную помощь вашему наступлению. Вот для такой координации нас сюда и послали.

– Но тогда вам нужно ехать не в Суровикино, а южнее, в Котельниково, – заявил Мюллер. – Ведь штаб Манштейна находится именно там. А решение о том, с какого направления мы будем наступать, принимает фельдмаршал.

– Мы так и собираемся поступить, – заверил Шубин немца. – Побываем в Суровикино, представимся вашему командованию, а затем отбудем в Котельниково. Кстати, а кто стоит во главе войск здесь, в Суровикино?

– Генерал Карл Гот, разумеется, – ответил немец. И снова в его голосе прозвучало удивление. – Разве вы и этого не знаете?

Это была еще одна накладка Шубина, порожденная незнанием! Но, кажется, она не привлекла особого внимания немецкого танкиста.

– Не забывайте, что мы уже несколько дней оторваны от основных сил вермахта, – сказал Шубин. – И те решения, которые принимаются сейчас за кольцом окружения, нам неизвестны. Мы, например, не знаем, где же все-таки наши войска будут наносить главный удар – здесь, в Нижнем Чипе, или в Котельниково?

Шубин задал этот вопрос и замер: а вдруг немец ответит? И, таким образом, двое разведчиков в первый же день получают ответ на главный вопрос, который волнует советское командование.

Однако полковник Мюллер покачал головой.

– К сожалению, господин Тальберг, этого я сам не знаю, – сказал он. – И даже сам фельдмаршал Манштейн, кажется, еще этого не знает. Я хочу сказать, он еще не принял решения, где будут наступать его войска. Может быть, это будет решено уже сегодня. А может быть, решение уже принято, и нам его сейчас сообщат на совещании в штабе. Кстати, а у вас есть приглашение на это совещание?

Шубин в ответ изобразил искреннее удивление.

– Откуда же у нас может быть такое приглашение? – сказал он. – Наша связь с основными силами вермахта носит отрывочный характер. Надо еще учесть, что в последние два дня русские насаждают на нас, теснят к Волге. Идут жестокие бои. В этих условиях не до приглашений, знаете ли.

– Но без приглашения вы не сможете попасть на совещание в штабе, – заявил танкист. – Если только вы обратитесь к начальнику штаба полковнику Гальдеру и он успеет выдать вам такое приглашение.

– Да, мы непременно так и сделаем, – пообещал Шубин. – В таком случае, когда мы приедем в Суровикино, вас не затруднит показать мне, где размещается штаб?

– Конечно, покажу, – согласился Мюллер. – Да мы скоро уже приедем.

– Это хорошо, что скоро... – пробормотал Шубин.

А сам задумался. Надо было срочно принимать решение: надо ли и дальше пользоваться подвернувшейся возможностью и ехать с доверчивым полковником Мюллером до штаба или следует закончить знакомство, захватить эту машину, а ее хозяев отправить на тот свет? Какой вариант давал больше шансов на успех всей разведывательной операции? С одной стороны, было соблазнительно получить приглашение, проникнуть в германский штаб и прямо здесь, на месте, узнать все детали готовящейся операции по деблокированию армии Паулюса. Но тут был большой риск. А что, если начальник штаба полковник Гальдер свяжется со штабом 6-й армии и узнает, что никаких майоров и капитанов оттуда в Суровикино не посылали? А ведь господин Гальдер, скорее всего, так и поступит... Как же быть?

Как видно, Сергей Дозоров думал над тем же вопросом. Потому что он вдруг прервал молчание, которое хранил с начала поездки, повернулся к Шубину и сказал:

– Мне кажется, нам нужно кое-что сделать, прежде чем явиться к начальнику штаба. Например, нужно привести себя в порядок, переодеться, подготовить необходимые документы...

– Ты так думаешь, Рихард? – медленно произнес Шубин. – Пожалуй, ты прав. Да, нам нужно сменить документы...

Он понял, что хотел сказать Дозоров. В штабе генерала Гота не могли знать в лицо полковника Мюллера, приглашенного на совещание. И если вместо надменного дылды явится подтянутый человек среднего роста, он не вызовет никаких подозрений. А второй разведчик в это время может подождать в машине. Таким образом, Дозоров предлагал остановить машину под каким-нибудь предлогом (например, кому-то срочно потребовалось облегчиться). Во время этой остановки напасть на немцев, избавиться от них, а затем ехать в Суровикино. Эти действия Дозоров и называл «сменить документы».

– Да, ты прав, Рихард, – повторил Шубин. – Так мы и сделаем – Затем он повернулся к сидевшему рядом полковнику и сказал жалобным тоном: – Прошу прощения, господин Мюллер, но мне срочно требуется облегчиться. Кажется, я съел за завтраком что-то несвежее...

Танкист скривился еще сильнее, чем в первый раз, но возразить тут было нечего, и он приказал водителю остановиться возле группы деревьев. Выйдя из машины, Шубин внимательно оглядел дорогу – не видно ли других машин. Им не нужны были свидетели. Однако дорога, к счастью, была пуста. Тогда Шубин обошел вокруг машины, приблизился к ней с другой стороны – с той, где сидел полковник Мюллер, – и постучал в окно. Танкист с крайне недовольным видом опустил стекло. Видно, он решил, что этот навязчивый майор попросит у него туалетную бумагу. Однако Шубин ничего не стал просить у немца. Вместо этого он вынул пистолет, приставил его к уху полковника и нажал на спусковой крючок. Танкист свалился на сиденье, кровь залила и сиденье, и коврик под ним. В тот же момент Дозоров ножом, который он заранее незаметно достал, ударил водителя в сердце. Все было кончено – машина оказалась в распоряжении советских разведчиков.

Шубин остался стоять на страже, а Дозоров в это время вытащил из машины сначала водителя, затем пассажира. С Мюллера он снял форму, достал из кармана его документы, забрал и командирскую сумку. Снимать форму с водителя и забирать его документы не стали, они разведчикам были не нужны. Дозоров по одному оттащил трупы врагов в сторону и столкнул в небольшой овраг. Можно было надеяться, что теперь их долго никто здесь не найдет.

Шубин уже собрался переодеться в форму Мюллера, когда на шоссе показалась небольшая колонна – четыре грузовика, шедшие с запада на восток, к Чиру. Пришлось подождать, пока колонна проедет. Когда шоссе снова опустело, Шубин снял майорский китель и надел форму полковника. Она была ему немного тесновата, но со стороны это было незаметно. Шубин решил, что не будет выбрасывать форму «майора Тальберга», как и его документы, а сохранит весь этот реквизит на всякий случай. Затем он достал из кармана кителя белоснежный платок, принадлежавший полковнику, и вытер им сиденье. Теперь надо было долго приглядываться, чтобы заметить в салоне машины что-то неладное.

Дозоров сел за руль, завел мотор.

– Ну что, едем в штаб, на совещание? – спросил он. – Как прикажете, господин полковник?

– Да, приказываю ехать в Суровикино, – ответил Шубин. – Надеюсь, ты сумеешь отыскать штаб?

– Уверен, что штаб мы найдем, господин Мюллер, – сказал Дозоров. – Правда, вы так и не спросили у настоящего полковника Мюллера, на какое точно время назначено совещание...

– Ничего страшного, – произнес Шубин. – Немцы люди пунктуальные. Думаю, полковник все рассчитал точно и должен прибыть на место вовремя, даже с небольшим запасом времени. Думаю, мы не опоздаем.

Глава 3

К Суровикино они подъехали уже в сумерках. Огни в домах не горели – как не горели они везде в прифронтовой полосе. Надо было обладать очень острым зрением, чтобы в ступающей темноте разглядеть не только дорогу, но и дома поселка и выделить среди них тот нужный дом, в котором располагался немецкий штаб.

Однако Сергею Дозорову это удалось. Он лишь раз остановил машину, чтобы уточнить дорогу у водителя стоявшей на обочине машины. Слушая его разговор с водителем, Шубин еще раз убедился, что его напарник отлично владеет немецким языком. Он говорил как истинный немец.

Следуя указаниям водителя, Дозоров повернул раз, потом еще раз и подкатил к скромному одноэтажному зданию, над которым развевался нацистский флаг со свастикой. Впрочем, этот флаг было видно только с улицы; с воздуха дом ничем не отличался от десятка соседних домов. Ничто не указывало, что именно здесь находится штаб немецких войск на Дону. Также ничто не говорило, что здесь готовится важное совещание, на которое прибудут немецкие командиры из разных частей. Перед входом в штаб не было машин. И когда разведчики подъехали к штабу, они поняли, почему их нет. На улице возле штаба стояли два регулировщика. Они указывали водителям подъезжающих машин, куда им надо проследовать. Так, Дозорову, когда тот опустил стекло, регулировщик сказал, чтобы тот ехал до первого перекрестка, там повернул направо и поставил машину возле третьего дома от угла.

– Но оттуда господину полковнику придется далеко идти! – попробовал возразить «капитан Зоммер».

– Ничего страшного, – ответил регулировщик. – Таков приказ начальника штаба.

Дозоров не стал спорить и проехал к указанному месту. Здесь Шубин вышел, взял планшет танкиста Мюллера, после чего подошел к двери водителя.

– Что ж, я пойду, – сказал он. – Тебе придется посидеть. Думаю, совещание продлится несколько часов.

– Зачем же мне сидеть? – возразил Дозоров. – Мне машину нужно заправить. Да и самому стоит подумать о дозаправке. Съезжу, узнаю, где у них можно заправить легковушку, где офицерская столовая. Так время и пройдет. Ну, а ты получишь на совещании все нужные указания, и поедем с тобой назад, в наш танковый полк...

– Думаю, мы поедем не назад, а вперед, на юг, – предположил Шубин. – Впрочем, этот вопрос мы обсудим после моего возвращения. Пока!

– Удачи тебе, капитан! – напутствовал напарника Дозоров.

Весь этот разговор происходил почти шепотом – ведь двое разведчиков разговаривали по-русски, и им совсем не хотелось привлекать внимание проходивших по улице немцев.

Расставшись с напарником, Шубин направился к штабу. Он шел твердой, уверенной походкой, как истинный офицер вермахта. Между тем на душе у него было неспокойно. Ведь вполне могло случиться, что среди участников совещания окажется человек, который служил с полковником Рихардом Мюллером или лежал с ним в госпитале. И что тогда? А еще могло случиться, что Мюллера как представителя Нижнечирской группировки заставят выступить и рассказать о боевой готовности своей части. Что он будет говорить? Нет, положение у Шубина было совсем не простое. Думая обо всем этом, он невольно потрогал кобуру, где лежал его «вальтер». Как бы не пришлось отстреливаться! «Ладно, авось прорвемся!» – решил разведчик в итоге.

На крыльце дома, где размещался штаб генерала Гота, уже толпились несколько офицеров. Два лейтенанта, по всей видимости, адъютанты генерала, проверяли приглашения. Когда

очередь дошла до Шубина, он не глядя сунул лейтенантам картонку Мюллера и с невозмутимым видом стал ждать, когда его пригласят в зал. Ага, приглашают, значит, все в порядке.

Войдя в дом, Шубин сначала попал куда-то вроде приемной. Здесь он, как и все остальные, оставил на вешалке свою шинель, а затем, следуя указаниям еще одного адъютанта, вошел в зал заседаний. Судя по всему, до войны в этом здании помещался райком, в этом зале проводились совещания партийного актива. Сейчас на расставленных заранее стульях сидели два десятка немецких офицеров в чинах от полковников до генералов. Здесь были представители всех родов войск: пехотинцы, артиллеристы, танкисты, летчики, даже саперы. У стены стоял стол, предназначенный для руководства, рядом на стене висела большая карта.

Шубину никогда раньше не приходилось видеть столько высокопоставленных немецких офицеров сразу. Но вот в комнату вошел сухощавый немец в генеральском мундире, и все сразу встали и вытянулись по стойке «смирно». Очевидно, это и был генерал Гот, командующий новой группировкой, правая рука фельдмаршала Манштейна. Вслед за ним вошел другой военный, в чине полковника. «Надо полагать, это начальник штаба Гальдер», – подумал Шубин.

Вошедшие сели, и совещание началось.

– Я полагаю, все присутствующие в общих чертах знакомы с ситуацией, – начал Гот. – Фюрер поставил перед нами задачу: в кратчайшие сроки прорвать русское кольцо окружения и деблокировать наши части, попавшие в котел. При этом он запретил шестой армии покидать Сталинград. Я знаю, что многие офицеры недовольны таким решением. Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать приказы командования. Мы здесь для того, чтобы эти приказы выполнять наилучшим образом. Поэтому сейчас каждый из вас кратко обрисует ситуацию на своем участке, доложит о готовности своих частей к наступлению. Нам надо помнить, что фельдмаршал Манштейн считает наш участок наиболее пригодным для прорыва русской блокады. Из этого вы и должны исходить. Начинайте, господа!

После этого начальник штаба начал по одному поднимать собравшихся, и они рассказывали о положении дел в своих частях. Шубина пока не спрашивали, и это было на руку разведчику: сидя в зале, он получал массу секретной, очень важной информации о положении немецких войск на Дону. А кроме того, слушая выступающих, он примерно понимал, как обстоят дела в других частях – и это было для него ориентиром для собственного выступления. Он уже знал, что скажет, когда его вызовут. Скажет, что полк понес потери в боях в районе Сталинграда, что не хватает боеприпасов. Но тем не менее танкисты готовы выполнить приказ и перейти в наступление. Тем более он должен получить подкрепление – танковую роту из числа войск, переброшенных из Нормандии. Он, конечно, понимает, что боевые качества этих солдат не такие, как у его закаленных в боях воинов, но тем не менее это немецкие солдаты! Вот примерно так он и скажет.

И вот этот момент настал. Генерал Гот сверился с лежавшим перед ним списком и провозгласил:

– А теперь послушаем полковника Мюллера из восемьдесят второго танкового полка. Ну-ка, полковник, расскажите нам о том, как обстоят дела у ваших танкистов.

– Слушаюсь, господин генерал! – ответил Шубин и встал.

И, следуя намеченной схеме, отбарабанил все, что заранее наметил: о потерях, понесенных в ходе боев в последнюю неделю, о нехватке боеприпасов, о новом пополнении... Начальник штаба спросил его о потерях. Шубин и тут не растерялся: из предыдущих выступлений он уяснил, что в среднем каждая часть за время недавних боев потеряла от двадцати до тридцати процентов техники и личного состава. Вот он и сказал, что потерял четвертую часть танков.

В общем, все выступление прошло для разведчика гладко. Единственное, что смущало, – это то, что все время, пока Глеб говорил, он ловил на себе внимательный взгляд какого-то

полковника, сидевшего в другом конце зала. «Интересно, кто он такой? – подумал Шубин. – И чего он на меня уставился?»

Между тем все высказались. Тогда генерал Гот о чем-то негромко посоветовался со своим начальником штаба, а затем обратился к собравшимся:

– Итак, вы все слышали, какими силами мы располагаем в настоящее время. Теперь я предлагаю господам офицерам высказать свое мнение. Готова ли наша группа, сосредоточенная в районе Суровикино и Нижнего Чира, получив необходимую поддержку с Кавказа, нанести русским достаточно сильный удар, чтобы прорвать кольцо их окружения? Будем ли мы рекомендовать фельдмаршалу Манштейну сделать наш район основным местом осуществления операции «Дон»?

Теперь генерал Гот никого не вызывал – желающие выступить вызывались сами. Сначала поднялся один генерал, видимо, самый опытный и авторитетный в этом зале. Он заявил, что приехал на это совещание, уже имея ответ на заданный сейчас вопрос.

– Мнение вот какое, – сказал этот вояка. – Наша группировка не может претендовать на главную роль в намечаемой деблокации шестой армии. Сил маловато, они не собраны для прорыва фронта. Кроме того, надо иметь в виду, что у нас практически не осталось плацдармов на восточном берегу Дона. Нам придется сначала форсировать реку, а уже потом снова перестраиваться и наступать на русских. Кроме того, мы далеко расположены от Кавказа, откуда ждем поступления новых частей. Пока они придут, мы потеряем время. Между тем время сейчас работает против нас. С каждым днем, с каждым часом русские укрепляют свою оборону все сильнее. Кроме того, как вы знаете, господин Гот, они усилили натиск на наши попавшие в окружение части и вынудили их еще дальше отойти от Дона. Но и это не все. У нашего района есть еще один недостаток. С севера над нами нависает мощная русская группировка, которая угрожает нашему левому флангу. А когда мы перейдем Дон и двинемся в сторону Сталинграда, наш фланг еще больше растянется и станет еще более беззащитным. И оттуда, с севера, в этот фланг русские могут нанести новый удар. В результате чего мы будем думать уже не о наступлении, а об обороне. Мой вывод: в настоящее время наш район не имеет преимуществ перед районом Котельниково. А значит, наносить основной удар надо именно оттуда!

Генерал сел. Потом поднялись еще несколько человек. И все они высказались в том же ключе: район Нижнего Чира не может считаться главным и наиболее подготовленным для прорыва окружения русских войск. После четвертого выступающего генерал Гот остановил обсуждение.

– Я вижу, мнение господ офицеров единодушно, – сказал он. – И я с этим мнением согласен. Сегодня же я свяжусь со штабом фельдмаршала и предложу ему рассматривать наш район только как вспомогательный. Все, господа, совещание окончено. Кто голоден, может воспользоваться нашей офицерской столовой. Остальные могут возвращаться в свои части. Всего хорошего!

Заскрипели отодвигаемые стулья, участники совещания двинулись к выходу. И тут Шубин увидел, что к нему проталкивается невысокий полный полковник с такими же, как у самого Шубина, танковыми нашивками. Лицо немца выражало удивление и нарастающую тревогу. Не дойдя до Шубина нескольких шагов, толстенький полковник остановился и воскликнул:

– Слушайте, кто вы такой? Когда генерал Гот вызвал для выступления полковника Мюллера, я обрадовался, потому что рассчитывал увидеть своего давнего друга. Я отлично знаю Рихарда Мюллера, мы вместе сражались в группе «Центр», вместе входили в Минск, а затем в Смоленск. Но сейчас вместо Мюллера я вижу совсем другого человека! Скажите, кто вы такой?

Выходившие из комнаты участники совещания, услышав этот настойчиво повторенный вопрос, стали оглядываться, некоторые остановились, повернулись в сторону Шубина. Нельзя

было терять ни одной секунды! Случилось именно то, чего Шубин и опасался, идя на совещание. Нашелся знакомый убитого танкиста, который обнаружил подмену. К счастью для разведчика, немец оказался туповат и не успел сделать правильного вывода из того, что видел. Но если он не сделал – другие сделают. Пробовать «вешать лапшу на уши», доказывать, что он все же Мюллер, но другой, просто однофамилец, бесполезно. Не стоит считать всех врагов дураками. Они быстро разберутся в ситуации. И спустя секунду разведчик будет схвачен, его обман вскроется. Штабная комната внезапно превратилась для Глеба в мышеловку, из которой во что бы то ни стало нужно было вырваться.

Шубин мгновенно оценил ситуацию. Он находился всего в одном шаге от прихожей, где на вешалке висела его шинель. И в ней в одном кармане лежал верный ТТ, а в другом – «вальтер». Правда, в дверном проеме стояли двое участников совещания и мешали пройти. Но ведь Шубин был разведчиком, он владел приемами рукопашного боя! Что ему пара-тройка пожилых немцев? К тому же ведь ни у кого из находящихся в комнате нет оружия – его все они оставили в прихожей. И даже если бы они были вооружены, то вряд ли бы стали стрелять – своих больше положишь.

Разведчик рванулся с места. Один немец отлетел вправо, другой – влево. Вон она, вешалка! Где же пальто?

Кто-то схватил его правую руку, но Шубин, не оглядываясь, ударил назад левой, за его спиной раздался вскрик боли, его правая рука была свободна.

Да вот же она, шинель! Хватать ее, конечно, некогда, ну, и черт с ней. Главное – карман, а в нем – ТТ!

Шубин схватил пистолет и, не целясь, выстрелил в ближайшего немца, стоявшего у него на дороге. Тот еще падал, а разведчик уже перепрыгнул через него и с размаху ударил всем телом в дверь.

Он помнил, что на крыльце штаба дежурили два адъютанта. Вот они-то наверняка вооружены и, когда услышат раздавшийся в здании выстрел, поймут, что случилось нечто чрезвычайное. Их надо обязательно ликвидировать!

С этой мыслью Шубин выскочил на крыльцо. Адъютант справа еще только тянулся к кобуре, но вот слева уже держал в руке оружие. Выстрел! Немца швырнуло вниз, на землю. Так, теперь того, что справа. И бежать!

Шубин припустил прочь от штаба. Он бежал со всей скоростью, на какую был способен. Сзади грохнул выстрел, пуля пролетела над головой разведчика. Пока высоко, пока неопасно. Но сейчас подключатся новые стрелки, и среди них будут меткие; надо принять меры к спасению. Шубин резко изменил направление бега, дернулся в одну сторону, потом в другую. Стрелявшие словно ждали таких действий беглеца, позади грянули выстрелы. Стреляли из всех видов оружия – из пистолетов, винтовок, автоматов. Только пулеметов с пушками не хватало. А еще Шубин услышал звук заработавшего мотора и еще одного. Сейчас немцы помчатся за ним в погоню. И, конечно, догонят – ведь автомобиль движется намного быстрее человека. Лишь бы успеть добежать до угла – тогда можно будет крикнуть Сергею, можно надеяться на его помощь. А сейчас лейтенант, наверное, спит себе на водительском сиденье...

Еще две пули пролетели рядом с Шубиным – на этот раз совсем близко. «Третья точно будет моей», – успел он подумать. И в эту минуту увидел знакомый «опель». Машина на большой скорости выскочила из-за угла, развернулась и замерла в ожидании пассажира; дверца со стороны Шубина распахнулась.

Ему осталось пробежать несколько шагов до машины, когда очередная пуля сорвала кусок кожи с его головы; по лбу потекла кровь. Но он был уже совсем рядом с автомобилем и запрыгнул внутрь. Закрываясь, стукнула дверца. В ту же секунду взревел мотор, и машина рванулась с места.

Они свернули за угол, пули преследователей теперь им уже не угрожали. Шубин спросил у напарника:

– Как ты догадался, что надо ехать меня выручать?

– Как же тут не догадаться, когда ты такую пальбу поднял? – ответил Дозоров вопросом на вопрос. – Ты что, решил напоследок весь немецкий штаб перестрелять?

– Да, это было бы хорошее решение, – согласился Шубин. – Всех этих генералов перестрелять, а самого командующего Гота захватить в качестве «языка». Жаль, я как-то не сообразил так сделать. А если серьезно, то я там знакомого встретил. То есть, наоборот: какой-то хмырь знал полковника Мюллера. И он очень удивился, увидев меня. Так что пришлось немного пострелять, а потом еще побегать. Да, забыл тебе сказать – тут за мной погоня из двух машин. А вот и они, кстати.

Действительно, кабину «опеля» осветили фары появившихся сзади автомобилей. Теперь, по причине чрезвычайных обстоятельств, немцы решили плюнуть на правила маскировки и включить фары.

– Что, надеешься от них оторваться? – спросил Шубин.

– Надеюсь, – ответил Дозоров. – Я тут, пока тебя ждал, успел походить по поселку, изучить, куда дальше надо ехать. Так что дорогу знаю. Правда, на выезде из поселка есть КПП. И туда, скорее всего, уже успели позвонить, чтобы нас остановили. Но мы туда не поедem. Мы, как сказал Ильич, пойдem другим путем. Так что проедem, не сомневайся.

Они доехали до очередного перекрестка, и Дозоров повернул направо. А потом, миновав несколько домов, – налево. И снова налево. Так что даже Шубин, хорошо чувствовавший направление движения, перестал понимать, куда они едут.

– Так ты куда направляешься? В Котельниково? – спросил он.

– Нет, на выезде на Котельниково нас будут ждать, я же тебе говорил, – ответил тот. – Я тут нашел один проулок, которым можно выехать в степь в западном направлении. А по степи, по грунтовке, выберем на шоссе, ведущее на Морозовск. А уже там решим, что делать дальше.

– Однако я вижу, что ты человек предусмотрительный... – заметил Шубин.

Глава 4

Все прошло так, как и говорил Сергей Дозоров. Когда широкая деревенская улица кончилась, тусклый свет подфарников высветил узкий проход между домами. Машины здесь, видимо, не ездили – в лучшем случае иногда проезжал мотоцикл. Но «опель» смог протиснуться, лишь несколько раз задев крыльями за заборы. После этого перед машиной открылось заснеженное поле, по которому вела лишь слегка накатанная проселочная дорога.

– А мы здесь в снегу не застрянем? – спросил Шубин.

– Может, и застрянем, – ответил лейтенант. – Тогда попробуем потолкать машину. А может, и так проедем. Все-таки это Придонье, а не Подмосковье, здесь глубоких снегов нет. И в любом случае нам все равно придется с этой машиной расстаться. Ведь сейчас уже по всем частям группы «Дон» разошлась телефонограмма, в которой сообщается о русских диверсантах, проникших в штаб немецкой группировки. Нас остановят на первом же посту. Так что нам нужно думать, что делать дальше. К тому же я вижу, что ты, уходя из штаба, оставил там свою шинель. Мерзнуть будешь. Надо бы разжиться немецкой шинелью. Хотя я, конечно, предпочел бы нашу советскую телогрейку.

– Позже поговорим о шинелях и телогрейках и об их достоинствах, – сказал Шубин. – А пока нужно как можно скорее сделать важное дело, о котором ты мне косвенно напомнил. Если немцы, как ты говоришь, о нас уже всем сообщили, то я свое сообщение еще не отправил. Давай, останови машину на десять минут: надо наладить рацию и послать сообщение в штаб.

Он достал с заднего сиденья свой офицерский чемоданчик, извлек из него рацию, включил ее и стал настраивать. Пусть и не сразу, но ему все же удалось установить связь со штабом Южного фронта, с радистом разведотдела. И затем Шубин передал этому радисту основное содержание того, что говорилось на совещании у генерала Гота. Главная новость, которую он сообщил в штаб, состояла в том, что немцы не рассматривают Нижнечирскую группировку как основную; основной удар по нашим войскам будет нанесен из района Котельниково.

Шубин хотел еще сообщить, что они с Дозоровым как раз и собираются отправиться туда, в штаб фельдмаршала Манштейна. Однако существовала опасность перехвата немцами донесения. Они могли разгадать шифр, который использовал Шубин. И тогда он сам сообщил бы врагам, куда они направятся. Это могло резко увеличить вероятность провала.

Когда Шубин закончил передачу и спрятал в чемоданчик рацию, Дозоров снова тронул машину с места, и она, качаясь на ухабах, медленно покатила по заснеженной степи. Лейтенант искоса взглянул на старшего товарища и спросил:

– Ну, и какой у нас теперь план? Надо ли нам вообще выбираться на шоссе? Или ну его, лучше так и ехать по степи? Но только часа через два бензин в баке закончится... И потом, не везде такая подходящая дорога. Начнутся буераки, кусты...

Шубин некоторое время молчал, обдумывая ситуацию. Затем заговорил:

– В первую очередь нам нужно сменить одежду. В штабе знают меня как человека, одетого в форму полковника танковых войск. Так что с обликом «полковника Мюллера» нужно окончательно расстаться. Давай-ка, остановись еще разок. Я переоденусь в старую форму и снова стану «майором Тальбергом».

«Опель» снова остановился, и Шубин взял с заднего сиденья немецкую форму, которую им вручили еще на складе в Городище, и переделся. А форму полковника вынес из машины и засунул в ближайшую промоину. Вернувшись в машину, сказал:

– Вот, «русского диверсанта», одетого в форму полковника, больше нет. А о тебе немцы вообще не знают. Они, конечно, догадываются, что у меня есть помощник – ведь кто-то подогнал машину, в которой я скрылся от погони. Но они не знают, как ты выглядишь, в какую форму одет. Что они знают точно – что нас двое и мы переодеты в немецкую форму. По край-

ней мере, один из нас переодет. Так что все посты на дорогах, все службы гестапо и военной контрразведки будут обращать внимание на двух мужчин, один из которых изображает из себя немецкого офицера. Вряд ли нам удастся добраться до Котельниково незамеченными. На нас будут обращать пристальное внимание, у нас будут тщательно проверять документы... Как же быть? Может быть, нам разделиться?

– Вижу, мое общество тебе надоело, – шутливо сказал Дозоров. – А если говорить серьезно, то в предложении разделиться есть смысл. Но тогда надо прямо на ходу изобретать одному из нас новую легенду. Один может изображать посланца окруженной шестой армии. Но это можешь делать только ты. Со мной такой фокус не пройдет. Вряд ли фельдмаршал Паулюс пошлет к своему коллеге Манштейну такого мелкого офицера, как капитан. И вряд ли отправит двоих послов порознь...

– Тут проблема еще сложнее, – отозвался Шубин. – Я чувствую, что нам вообще нужно отказаться от прежней легенды о «посланцах фельдмаршала Паулюса». Если в Сурувикино такой посланец еще мог появиться, то как он мог бы добраться до Котельниково? Нет, этот номер не пройдет... Знаешь что? Мы можем не разделяться. Но тогда нам нужно резко понизить себя в звании.

– Стать рядовыми, что ли? – удивился Дозоров.

– Именно что рядовыми! Почему бы и нет? Вот, послушай новую легенду. Мы – двое рядовых вермахта. После ранений находились на лечении в госпитале... скажем, в Минеральных Водах. Или в Ростове. И теперь нас направили в часть, стоящую в Котельниково. Мы эту часть догоняем. Скажем, на поезде или на попутной армейской машине. Как тебе такая легенда?

Дозоров несколько минут напряженно размышлял, потом кивнул:

– Легенда хорошая. Правда, есть несколько вопросов. Причем первый вопрос – где достать форму двух рядовых – еще не самый сложный. Сложнее два других. Как нам добраться до ближайшего места, где водятся немецкие рядовые, чтобы нас при этом не застукали?

– А какой твой второй вопрос? – поинтересовался Шубин.

– А второй вопрос – о документах. Допустим, мы встретим двух раззяв в форме. Но даже если мы их ликвидируем и заберем форму, вряд ли эти рядовые будут только что выписанными из госпиталя. У нас не будет справки о полученном ранении, понимаешь? А без такой справки, даже при наличии документов, мы шагу не ступим. Как ты понимаешь, у простых солдат их проверяют чаще, чем у офицеров. Причем проверяет каждый, кому не лень.

– Хорошие вопросы, – кивнул Шубин. – Я тебе больше скажу: есть и другие проблемы. Например, как простым рядовым попасть в штаб командующего группировкой? На чай к нему напроситься, что ли? Ведь обычно солдат на совещания в штабе не приглашают... И как избежать зачисления в часть, в которую нас якобы направляют? В общем, получается, что мы задумали невозможное дело. И надо от него отказаться и вернуться к себе, в Городище. Только вернуться мы никак не можем. Что мы скажем полковнику Уколову? «Ах, извините, но к фельдмаршалу Манштейну нас почему-то не пригласили, поэтому об основной немецкой группировке мы ничего не узнали». Так, что ли? Нет, мы не можем вернуться, не выполнив задания. Значит, будем его выполнять. А вопросы, даже самые сложные, будем решать постепенно. И первый вопрос – где найти немецких рядовых, у которых можно позаимствовать форму?

– А я, пожалуй, знаю ответ на этот вопрос, – сказал Дозоров. – И для этого нам даже не надо будет ехать до самой Морозовской. Надо остановить машину или мотоцикл, в котором сидят рядовые. И позаимствовать у них форму. Вот, кстати, и шоссе. Можно дальше не ехать, остановиться прямо здесь.

Действительно, их машина выбралась с проселка на относительно ровное шоссе, покрытое гравием.

– Как тебе мое предложение? – спросил Дозоров.

– Думаю, мысль правильная, – согласился Шубин. – Только хочу сказать, что сейчас ночь, а ночью немцы редко ездят. И если едут, то не вдвоем, а целой группой. Помнишь, возле Суровикино мимо нас несколько колонн проехали? Отдельный мотоцикл ночью точно не поедет.

– Наверное, ты прав, – согласился Шубин. – В любом случае нам на нашей «засвеченной» машине не стоит привлекать внимание. Давай найдем место, где мы можем укрыть наш «опель» – за деревьями или кустами.

– Причем это место должно находиться на возвышенности, чтобы мы могли издали увидеть машину или мотоцикл, если они появятся, – добавил Дозоров. – Так что я пока поеду в сторону Морозовской и поищу подходящее для наблюдения место.

И «опель» покатил на запад. Нужное место нашлось спустя полчаса. На пригорке росли несколько дубов, к ним жался подлесок. Дозоров загнал машину в кусты, так что с дороги ее было не разглядеть, после чего заглушил мотор.

– Теперь сделаем так, – сказал Шубин. – Будем по очереди дежурить. Один спит в машине, другой устраивается возле шоссе и наблюдает. Если появляется транспорт, будит товарища. Меняемся через два часа. Давай я первым буду дежурить. Сейчас половина двенадцатого... Вот, до двух я понаблюдаю, потом тебя разбужу.

– Как же ты без шинели будешь на ветру? – сказал Дозоров. – На, бери мою. Я в машине и так обойдусь. Хотя напрасно ты выкинул форму полковника – она бы сейчас пригодилась...

– Ладно, как-нибудь обойдемся без этой формы, – пробурчал Шубин. Он и сам уже пожалел, что выкинул одежду полковника Мюллера – она бы помогла согреться.

Он взял шинель, предложенную Дозоровым, и занял позицию возле одного из дубов. Впрочем, сидеть он не стал – так сильнее мерзли ноги в легких немецких сапогах. Лучше было прохаживаться взад и вперед, оглядывая дорогу.

Так он и проходил полтора часа. Потом увидел на шоссе цепочку огней. Со стороны Морозовской на восток шла колонна машин. Но Шубин не стал будить товарища. Что они могли сделать с целой немецкой колонной? Он спрятался за ствол дерева и пропустил все пять машин. А потом снова принялся утаптывать снег.

В два часа, как и договорились, он разбудил лейтенанта, а сам отправился спать. И, несмотря на холод, пробиравшийся в машину, благополучно проспал следующие два часа, пока Дозоров его не разбудил. Сдавая смену, лейтенант сообщил, что за эти два часа не появилась ни одна машина.

Получив от Дозорова шинель, Шубин несколько раз энергично присел, чтобы согреться, и снова начал ходить взад и вперед. «Скоро начнет светать, – размышлял он. – Тогда какие-то немецкие машины обязательно появятся. Но как мы их будем останавливать? Что скажем водителю? Что мы сюда пешком пришли? Нет, это неправильно. Мы не продумали этот момент – момент остановки транспорта. Ага, понял: вот как надо сделать!»

Пришедшая в голову мысль была такой ясной и простой, что Шубин немедленно отправился будить напарника. Дозоров спросонья не сразу понял план напарника, но когда сообразил, что от него требуется, сразу же принялся за дело. Он вывел машину на обочину шоссе, развернул ее передом на запад и поднял капот. А еще и багажник открыл.

– Если мы изображаем неумех, которые не могут устранить пустячную поломку, то надо показать, что мы везде рылись и все перепробовали, – сказал он. – Смотри, капитан: ведь так похоже, что у нас поломка? Для достоверности я еще клемму с аккумулятора сниму и одну свечу выну. Теперь она точно не заведется.

Шубин критически оглядел машину, открытую и спереди, и сзади, и согласился:

– Да, так похоже. Думаю, нам согласятся помочь.

В этом и состоял план Шубина: изобразить поломку машины и под этим предлогом остановить какой-либо транспорт, идущий из Морозовской. Там вряд ли знают об инциденте с рус-

ским разведчиком, проникшим на совещание у генерала Гота. Тем более об этом не могут знать рядовые. А значит, легенду Шубина они примут за чистую монету.

– Только знаешь что? – обратился Глеб к Дозорову. – Когда появится немецкая машина, ты свой офицерский китель быстренько сними. А то фрицы удивятся: как это – офицер за рулем, да еще в моторе возится? Не офицерское это дело. Померзнешь немного, но ничего не поделаешь.

– Померзну, не страшно, – ответил лейтенант. – Я только думаю, что...

Он не успел рассказать, что он думает, потому что на ближайшем холме сначала показались огни подфарников, а затем на холм въехала и сама машина. Это был обычный армейский грузовик, которым пользовались германские войска. И он был один!

– Давай, раздевайся! – поторопил Шубин своего напарника.

Дозоров быстро стащил себя офицерский китель и, оставшись в одной рубашке, залез под капот. Шубин встал рядом, всем видом изображая офицера, который недоволен неумелой-водителем.

Огни машины на пару минут скрылись в долине, а затем снова показались, теперь уже близко. Стал слышен и рокот мотора грузовика. При этих звуках «шофер» вылез из-под капота, выскочил на середину дороги и замахал руками, прося коллегу-водителя остановиться.

Грузовик подъехал вплотную к «опелю» и встал. Из кабины вышли двое: водитель, а с ним, как видно, старший по команде в чине ефрейтора.

– У вас что-то случилось? – спросил ефрейтор, подойдя к «опелю».

Обращался он, естественно, к «майору», то есть к Шубину.

– Да, у нас заглох мотор, и мой водитель никак не может устранить поломку, – ответил разведчик. – Может быть, ваш водитель сумеет решить эту проблему? А то мы спешим в Котельниково, в штаб.

– Да, конечно, сейчас мы разберемся, – заверил немец.

И, обернувшись к водителю, приказал:

– Фридрих, помоги водителю господина майора.

Водитель грузовика послушно полез под капот. А Шубин начал расспрашивать ефрейтора, откуда они едут и что везут. Ему важно было понять, много ли солдат находятся в кузове грузовика. Если там сидят человек пять, то они с Дозоровым могли с ними справиться. А если там полон кузов солдат, скажем, человек двадцать, то начинать схватку нельзя: при таком численном превосходстве врага разведчикам вряд ли удастся выйти из схватки победителями.

Из ответов ефрейтора разведчик понял, что в кузове едут восемь солдат инженерных войск, которые должны помочь танкистам наладить переправы через Дон.

Восемь солдат в кузове, да еще двое, стоящие сейчас возле «опеля», – это было, конечно, много. Однако Шубин решил рискнуть. Другого такого шанса добыть форму им, скорее всего, не представится. Надо было действовать быстро: водитель грузовика через минуту может догадаться, что «поломка» липовая.

Поэтому Шубин не стал больше ничего спрашивать у немца. Он просто выхватил «вальтер» и выстрелил ефрейтору в голову. В ту же секунду Дозоров напал на водителя и ударом кулака впечатал его в радиатор. В кузове грузовика послышались возбужденные голоса, один из солдат, сидевших в кузове, высунулся наружу, а двое других, уже с винтовками в руках, спрыгнули на землю. Шубин выстрелил в одного из них, Дозоров – в другого. Один из солдат упал, но другой успел отскочить в сторону и спрятаться за машиной. А еще один немец открыл огонь прямо из кузова.

Делать было нечего – следовало применить гранату. До сих пор Шубин надеялся этого избежать – он хотел захватить машину, чтобы она была на ходу и желательно без повреждений. Но теперь было ясно, что так не получится: немецкие саперы явно не собирались сдаваться.

Поэтому разведчик выхватил из кармана гранату, которую предусмотрительно туда положил, и бросил ее в кузов грузовика, а сам кинулся на землю.

Прогремел взрыв, брезентовое полотнище кузова разлетелось на несколько частей, также оттуда взрывом выбросило того немца, который стрелял. Из кузова раздались крики и стоны раненых. Однако этот взрыв не испугал солдата, который первым выскочил из кузова и первым начал стрелять. Теперь он вел огонь, укрывшись за задними колесами машины. Одна пуля, выпущенная им, просвистела возле головы Шубина, другая попала в Дозорова. Лейтенант схватился за раненое плечо и поспешил укрыться за поднятым капотом «опеля». А Шубин в это время кинулся в сторону. Он решил обежать вокруг грузовика и напасть на этого фрица сзади.

Однако немец был готов к такому повороту событий. И, когда Шубин, обежав грузовик, вытянул руку с пистолетом вперед, немец немедленно выстрелил. К счастью, он не попал. Поняв, что противник ему попался непростой, Шубин сменил тактику. Разведчик пару раз выстрелил, не высовываясь из-за машины – просто наугад, чтобы обозначить здесь свое присутствие. А затем залез в кабину, перебрался на место водителя, резко открыл дверь и выстрелил в то место, где должен был находиться его противник.

Раздался громкий стон и звук падающего тела. Первым желанием Шубина было выскочить и добить раненого немца. Однако стон врага показался разведчику подозрительно громким, будто напоказ. И он не стал выскакивать из кабины. Вместо этого он вылез из нее с пассажирской стороны и снова побежал, чтобы высунуться из-за машины справа, там, где он уже был. И снова, едва он на секунду высунулся из-за машины, раздался выстрел. Проклятый немец никак не давал себя обмануть! Шубин уже подумывал вернуться к «опелю», где в его вещмешке лежали еще три гранаты, но его опередили. Внезапно за машиной раздался еще один выстрел, и Шубин по звуку узнал родной пистолет ТТ. Выстрел раздался еще два раза, а потом из-за грузовика показался Сергей Дозоров. Из его правого плеча по-прежнему текла кровь, но в левой руке лейтенант крепко держал пистолет.

– Кажется, я подросел вовремя, а, капитан? – спросил он Шубина.

– Ну, если ты и опоздал, то ненамного, – ответил разведчик. – Сэкономил мне гранату.

– Не только гранату, но и машину, – заметил Дозоров. – Она и после первого взрыва оказалась покореженной, а если бы ты ее еще раз шарахнул, она бы точно никуда не поехала. А мне кажется, она нам еще нужна как средство передвижения. Теперь у нас есть машина и есть форма немецкого рядового, десять комплектов этой формы. Думаю, и документы кое-какие там найдутся. Так что мы можем двигаться дальше, в Котельниково.

– Нет, напарник, пока не можем, – покачал головой Шубин. – Ты забыл, что нам нужна информация о больнице, в которой мы с тобой якобы лежали. У кого мы можем получить такую информацию? Ни у кого. Перед нами десять трупов. А мертвые, как известно, народ не разговорчивый.

– А вот тут ты не прав, капитан, – сказал Дозоров. – Во-первых, в кузове могли остаться раненые, которые могут что-нибудь рассказать. А во-вторых, у нас имеется один живой.

– Откуда же он взялся? – удивился Шубин. – Из степи, что ли, пришел?

– Почему из степи? – проговорил лейтенант. – А что стало с водителем, которого я оглушил? Он и сейчас живехонек. Вон, гляди, голову поднимает...

И Дозоров указал на капот «опеля». Действительно, оттуда на разведчиков смотрел водитель грузовика, который только сейчас начал приходить в себя.

– Так, сначала нужно этого оглушенного обездвигить, – предложил Дозоров. – А потом нужно осмотреть кузов, кто там остался. Согласен, командир?

– Хорошо, займись водителем, а я поднимаюсь в кузов, – сказал Шубин.

Он поднялся в разрушенный кузов грузовика. Вид здесь был как на бойне: повсюду кровь, на полу валялась чья-то оторванная кисть руки. Четверо солдат, находившихся в кузове, погибли сразу, пятый был еще жив. Он с мольбой смотрел на Шубина, хотел что-то сказать, но

сил на это у него уже не осталось. Было ясно, что этот солдат скоро умрет, и, чтобы не продлять его мучений, Шубин разрядил в него «вальтер». Говорить здесь было не с кем, никто не мог дать разведчикам нужную информацию о немецких госпиталях. Оставалась надежда лишь на водителя, да и то слабая – возможно, этот человек никогда не лежал в госпитале.

Шубин спустился на землю и подошел к немцу. Тот сидел, прислонившись спиной к капоту «опеля», рядом стоял Дозоров. Шубин, у которого была отличная память, запомнил, как зовут водителя, поэтому обратился к нему по имени.

– Слушай, Фридрих, – сказал он. – Мы не собираемся тебя убивать. Но нам нужно получить кое-какие сведения. Если расскажешь обо всем, что нас интересует, – останешься жив. Это я тебе обещаю как офицер Красной армии. Согласен?

– Но что я могу вам рассказать? – ответил немец. – Я простой водитель, я не знаю никаких военных секретов!

– А нам и не нужны военные секреты, – заверил фрица Шубин. – Нас не интересует ни количество танков, ни имена твоих командиров. Нас интересует другое. Скажи, ты давно воюешь?

– Меня призвали весной сорок первого, – признался водитель.

– И где ты служил?

– Сначала в Польше, под Варшавой. Потом нашу дивизию направили в Грецию. Ну, а потом, в июне, послали сюда, в Россию. С тех пор здесь воюю.

– А как твоя фамилия?

– Зауэр. Фридрих Зауэр.

– Откуда ты родом, Фридрих?

– Из Гамбурга. Я работал в порту, водил погрузчик, был крановщиком. А в армии меня сделали водителем.

– Ты был когда-нибудь ранен?

– Ранен? Конечно! Каждый, кто был на войне, хоть раз был ранен. Меня ранили четыре раза: три раза легко, а один тяжело.

– А в госпитале ты лежал?

– Так я же вам только что говорил, что меня тяжело ранили. Когда наши части брали Ростов, рядом с моей машиной разорвался снаряд. Осколок снаряда разорвал мне плечо. Я чуть сознание не потерял! Если бы потерял – мне был бы конец. Потому что другим осколком пробило бензобак, и машина загорелась. Если бы я не выбрался наружу, сторел бы вместе с ней. А так – я выбрался из автомобиля, и вскоре меня забрали санитары, отвезли в госпиталь.

– И где ты лежал в госпитале?

– Сначала в каком-то поселке, его названия я не помню. А потом наши части взяли Ростов, и госпиталь перевели туда. Там я лежал почти месяц. Когда вернулся в полк, наша часть стояла уже в Нальчике. Мне дали новую машину, и я...

– Нет, погоди про машину, – остановил немца Шубин. – Расскажи лучше про госпиталь. Опиши тамошний распорядок дня. Во сколько там встают? Когда проходит обход врача? Какие дают лекарства? Опиши весь день своего пребывания в госпитале.

И водитель принялся рассказывать про свою жизнь в госпитале. Память у него оказалась хорошая, помнил он много, хотя не всегда мог отделить важное от неважного. Тогда Шубину приходилось задавать новые и новые вопросы, вытягивая из Фридриха Зауэра нужные сведения. Он спрашивал немца о других раненых, его соседях по палате, о врачах, медсестрах, о развлечениях, которые раненые себе устраивали. Постепенно перед внутренним взором разведчика вставала картина жизни в немецком госпитале. И он мог уже довольно уверенно описать «свое» пребывание в лечебном учреждении. Можно было приступить к реализации плана проникновения в группу германских войск в Котельниково.

Но тут перед Шубиным встал другой вопрос: что делать с Фридрихом Зауэром? Проще всего было застрелить немца. Но теперь, пообщавшись с ним полчаса, узнав о его привычках, симпатиях и антипатиях, Шубин не мог принять решение убить его. К тому же он помнил, что дал немцу слово офицера Красной армии.

Может быть, в таком случае оставить немца здесь, на обочине дороги? Пока он доберется до своих (если вообще доберется, а не замерзнет в степи), разведчики будут уже далеко... Но этот вариант тоже не годился. Немецкое командование расспросит Зауэра о том, что случилось на дороге, узнает об интересе советского разведчика к госпитальной жизни немца и может сделать правильные выводы. Тогда разведчиков ждет неминуемый провал.

Шубин еще раз взглянул на водителя и сказал:

– Слушай, Фридрих. Я выполню свое обещание и оставлю тебя в живых. Но при одном условии: ты поедешь с нами и будешь молчать как рыба. Помалкивать будешь, понятно? А потом мы тебя отпустим. Дашь мне такое обещание?

– Да, господин офицер! – горячо воскликнул пленный. – Я буду совсем как рыба! Совсем немой!

– В таком случае сядешь за руль, – решил Шубин. – Попробуем поместиться в кабине втроем. Если твоя тарактелка вообще поедет после разрыва гранаты. Да, и учти, Фридрих: если ты попробуешь нарушить свое обещание молчать и попробуешь нас сдать, то первая пуля достанется тебе. А стреляю я метко. Понял? В таком случае сиди здесь, жди, пока мы переоденемся. – После этого он повернулся к Дозорову и сказал: – Ну что, давай переодеваться. Надо найти форму, чтобы была нам по размеру.

– Мне искать не надо, я уже подобрал, – сказал Сергей. – Вот этот солдат одного со мной сложения. Сейчас с него сниму. Заодно и документы его заберу. Но знаешь, что я тебе скажу, капитан? Не нравится мне твое решение насчет этого немца. Ничем хорошим твое проявление гуманизма для нас не кончится. Я понимаю, что ты слово дал, тебе неудобно его кончить. Но я-то никакого слова не давал. Давай я этот грех на себя возьму. Его смерть уберезет нас от многих неприятностей.

– Нет, погоди, – покачал головой Шубин. – Убить этого Фридриха мы всегда успеем. Может, он нам еще пригодится. Давай переодевайся. А я себе что-нибудь подходящее пригляжу. И потом еще трупы надо будет из кузова и с дороги убрать. Надо, чтобы к утру здесь все было чисто.

– Ну, раз уж ты решил этого Фридриха оставить в живых, пусть пользу приносит, – сказал Дозоров. – Пусть он своих сослуживцев в кусты стаскивает.

Шубин не стал возражать. Он сказал водителю, что надо делать. И к моменту, когда они с Дозоровым переоделись в форму немецких солдат, забрали их документы и запомнили свои новые имена, все тела с дороги были убраны и больше ничто не говорило о жарком бое, который здесь недавно состоялся.

Глава 5

К сожалению, они еще на некоторое время задержались в этом месте: пострадавший во время боя грузовик упорно не хотел заводиться. Фридриху Зауэру пришлось повозиться с системой зажигания, прежде чем двигатель заработал. Водитель сел на свое место, Шубин рядом с ним, а Дозоров пристроился отчасти на коленях у Шубина, отчасти на сиденье. Но все же они ехали, они приближались к цели.

Правда, какова эта цель, знал только Шубин. Остальные не имели понятия, и это их беспокоило. Первым не выдержал Зауэр.

– Куда мы едем, господин русский? – спросил он. – Скоро будет развилка, там поворот на юг, на город Волгодонск. Мне ехать прямо, на Морозовский, или налево?

– Поезжай прямо, – скомандовал Шубин. – Мы еще долго будем ехать прямо. Нам нужно в город Луганск – слышал о таком?

– Что-то слышал краем уха, – ответил немец. – Но не знаю, где это.

– Ничего, узнаешь, – успокоил Зауэра Шубин. – Я знаю дорогу, покажу.

Тут забеспокоился Дозоров.

– Ты что говоришь, капитан? – тихо по-русски спросил он. – Зачем нам в Луганск?

– А я туда и не собираюсь, – так же тихо ответил Шубин. – Я ведь тоже не слишком доверяю нашему водителю. Он не должен знать, куда нам нужно на самом деле. Помнишь, куда нам нужно? Туда мы и поедem. Только названий при нем не произноси.

Грузовик, дребезжа разбитыми бортами, слегка покачиваясь, добрался до развилки, миновал ее и покотился дальше, к Морозовской.

– Слушай, Фридрих, – обратился Шубин к водителю, – а почему мы так медленно движемся? Ты не можешь ехать побыстрее?

– Не могу, господин русский, – ответил водитель. – Я уже пробовал прибавить скорость, но машина не слушается. То ли акселератор испортился, то ли в двигателе что-то отказало. По хорошему, этой машине нужен хороший ремонт.

– Тут ты совершенно прав, – с важным видом кивнул Шубин. – Только у нас нет времени на ремонт. Поэтому мы поступим по-другому. Скажи, вон те дома за поворотом – это уже Морозовская?

– Да, мы скоро въедем в село, – кивнул немец.

– Нет, ехать в село нам не нужно, – заявил Шубин. – В Морозовскую мы не въедем, а войдем пешком. Понимаешь, иногда полезно прогуляться по свежему воздуху. А сейчас нам нужно... Вон, видишь слева от дороги балку? Поезжай прямо туда.

– Но ведь туда нет дороги! – воскликнул водитель. – Как же я туда поеду?

– А, значит, ты не умеешь ездить по бездорожью! – воскликнул Шубин. – Какой же ты в таком случае военный водитель? Вылезай, я сам сяду за руль. А ты, Сережа, – он обернулся к Дозорову, – тоже вылезай, здесь подожди. Мы ненадолго.

– Что-то я не пойму, что ты задумал, – пробурчал Дозоров, вылезая из кабины.

– Ничего, скоро все поймешь, – заверил лейтенанта Шубин.

Он сел за руль, Зауэр устроился рядом с ним. Уже совсем рассвело, все кочки на поле были хорошо видны. И Шубин, не обращая внимания на эти кочки, повел грузовик в сторону от шоссе, в балку. Он хотел поскорее спрятать разбитую машину, пока на шоссе не началось интенсивное движение. Он прекрасно понимал, что на этой колымаге они не смогут доехать до цели, до штаба Манштейна в Котельниково.

Трясаясь на ухабах, дребезжа и постанывая, грузовик вкатился в балку. Шубин провел его еще полсотни метров вглубь, чтобы машину не было видно с дороги. Затем приказал водителю:

– Бери отвертку, вылезешь и отвернешь номера машины. Оба номера, и спереди, и сзади. Чего встал? Вперед!

Сам он остался наблюдать, как немец отвинчивает номера с грузовика. Затем он приказал Зауэру спрятать эти номера под свою шинель, и они вернулись на шоссе и зашагали в сторону станицы.

– Скажи, Фридрих, а в немецкой армии у всех грузовиков ключи одинаковые? – на ходу спросил Шубин у водителя.

– Почему вы так решили? – удивился немец. – Нет, у каждой машины свой ключ.

– Значит, не имея нужного ключа, машину нельзя завести?

– Конечно, нельзя!

– Однако тебе придется это сделать, – жестко произнес Шубин. – И не говори мне, что ты этого не умеешь. Иначе получится, что ты плохой водитель. А зачем мне плохой водитель? В таком случае я тебя уволю. Понимаешь?

– Понимаю, – буркнул Зауэр. – Я постараюсь...

– Да уж, ты постарайся, – сказал Шубин. – Для нас это очень важно – завести машину, на которой мы поедем дальше. А если для нас важно, значит, и для тебя тоже.

Было около девяти утра, когда они добрались до окраины станицы и зашагали по главной улице. Пока они шли, Шубин оглядывался по сторонам. Его интересовали стоявшие по обочинам грузовики. Но их было мало, и возле каждого копошились водители, готовясь к поездке.

Шубин так внимательно следил за машинами, что пропустил момент, когда им навстречу попался немецкий офицер. Он вдруг почувствовал, что Дозоров, шедший сбоку, дернул его за рукав шинели. И одновременно увидел, как шедший слева Зауэр отдает честь офицеру. Шубин тут же поднес руку к фуражке. К счастью, офицер не заметил, что какой-то рядовой отдал ему честь с заминкой. И просто прошел мимо. Однако Шубин осознал свою оплошность, а также ее причину. До сих пор он всегда переодевался в форму немецких офицеров и привык, что простые солдаты его почтительно приветствуют. Он никогда не был в шкуре немецкого солдата. Теперь надо было привыкать, вживаться в этот образ. Ошибка, задержка с приветствием, могла им дорого обойтись.

Тем временем они дошли до длинного одноэтажного здания, над которым развевался нацистский флаг. А перед зданием стоял десяток автомобилей, как легковых, так и грузовых.

– Это что, штаб какой-нибудь дивизии? – спросил Шубин у немца.

– Почему штаб? – удивился Зауэр. – Это столовая. Справа – помещение для рядовых, слева – для господ офицеров.

– Столовая – это прекрасное место, – заявил Шубин. – Мы давно не ели, пора подкрепиться. Только сначала надо подыскать подходящий транспорт для дальнейшего путешествия.

– Знаю я тебя, – заметил Дозоров, говоря на русском языке. – Сначала ты будешь подыскивать подходящий транспорт, а потом, когда найдешь, захочешь его немедленно захватить и уехать. И мы опять останемся без обеда. Хотя у меня вообще возникает сомнение: надо ли нам идти в эту столовую? Ведь здесь наш немец окажется среди своих, и у него возникнет соблазн нас выдать. Что мы тогда будем делать? На мой взгляд, идти с ним в столовую – неоправданный риск.

– Возможно, ты и прав, – отозвался Шубин. – Но есть-то когда-нибудь нужно, верно? Из нас троих только Зауэр может завести машину, не имея ключа. И только он знает, как вести себя в немецкой столовой. В то же время его нельзя оставлять одного возле машин – вот тут он сразу сбежит и выдаст нас. И заходить с ним в столовую тоже опасно. В общем, это похоже на задачку про волка, козу и капусту, которых мужик должен перевезти через реку, а место в лодке есть только для одного. Надо подумать, как же быть... – Он с минуту постоял в задумчивости, потом заявил: – Кажется, я придумал. Зауэр в столовую заходить не будет. А мы с тобой зайдем порознь. Думаю, мы люди бывалые, как-нибудь разберемся, как там себя вести. Рейхсмарки

у нас есть, расплатиться мы можем. Сделаем так: ты иди в столовую первый, а мы с другом Фридрихом пойдем посмотрим машины. Затем ты останешься с Зауэром, а я пойду поем. А ему купим что-нибудь в качестве сухого пайка.

Он повернулся к немцу и спросил:

– Скажи, Фридрих, что ты любишь: вареные яйца или булку на меду? Или, быть может, ты любишь кровяную колбасу с бутылкой пива?

Зауэр удивился такому вопросу. Ответил так:

– Я бы, конечно, предпочел горячий куриный суп. Но кровяная колбаса с пивом – замечательная вещь, я бы не отказался. И булка с медом тоже неплохо.

– Вот видишь, – сказал Шубин своему напарнику, – все и устроилось. Ступай, получи свою порцию горячего куриного супа. Или какой-нибудь бараний бок с кашей.

– Кашу немцы не едят, – буркнул Дозоров. – Пора бы запомнить...

Но больше возражать не стал и направился ко входу в столовую. А Шубин поманил за собой немца, и они вдвоем пошли вдоль машин, выстроившихся в ряд перед зданием столовой. Первыми там стояли два здоровенных артиллерийских тягача. Возле них Шубин задержался лишь на минуту. Он знал, что у этих машин просторная кабина, рассчитанная на трех человек. Но, с другой стороны, эти машины были слишком заметны. Как правило, они не ездили пустыми, без орудий, тем более на далекое расстояние. А прихватывать с собой еще и оружие в планы разведчиков не входило. Да и медлителен тягач, любая другая машина его обгонит.

Далее следовали две легковушки, одна роскошней другой. Возле них Шубин даже не стал задерживаться: троим рядовым нечего было делать в таких дорогих машинах, предназначенных для офицеров. А вот затем шел обычный грузовик, похожий на тот, который они захватили на шоссе, а затем оставили в балке.

Шубин не стал останавливаться возле этого изделия фирмы «Мерседес», а отошел в сторону и спросил немца:

– Скажи, Фридрих, что ты думаешь вот об этой машине?

– Вот о той, зеленой?

– Ну да.

– Хорошая машина. Мотор работает как часы. Я на такой долго ездил, знаю ее как свои пять пальцев.

– Сможешь ее завести без ключа?

– Я никогда не пробовал, но если потребуется...

– Потребуется, Фридрих, очень потребуется. Мы на этой машине поедем далеко. И ты с нами поедешь.

– А куда мы поедем, господин русский? Или это секрет?

– Почему же секрет? – удивился Шубин. – Мы поедем в Ростов. И когда доберемся до места, там тебя отпустим. Договорились?

– Да, я согласен, – сказал Зауэр.

– Сколько времени тебе понадобится, чтобы завести эту машину?

– Думаю... думаю, пяти минут мне хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.